

I ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин
Никого не жаль
Игра в кубики
Синдром бесконечной радости
Мертвые хризантемы
Жертвы осени

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Шука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы укрощают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

Тайны взрослых девочек
Требуется влюбленное сердце
Время злых чудес
Пиранья

Сериал «Клиника раненых душ»

Силиконовая надежда
Пластика души
Хирургия мести
Реанимация судьбы
Терапия памяти
Анатомия любви

Сериал «Переменная облачность. И о любви»

Ее внутреннее эхо
Ретроградный Меркурий

МАРИША
КРАМЕР

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Иллюстрация на обложке *Ольги Саохелал*

Крамер, Марина.

К77 Жертвы осени / Марина Крамер. — Москва :
Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-186576-4

Провинциальный городок Вольск потрясла серия убийств. Маньяк напал на вышедших на пробежку девушек, за что его прозвали «Бегущий со смертью». Подозреваемый, студент Леонид Вознесенский, даже под тяжестью улик так и не признал своей вины.

Двадцать лет спустя журналистка Василиса Стожникова едет в тюрьму, чтобы разобраться в этом деле, и понимает, что оно связано с ее личной трагедией...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186576-4

© Крамер М., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все совпадения случайны,
все названия вымышлены...

От автора

Мокрая осенняя листва пахла неприятно — плесенью и смертью. От этого запаха потом приходилось долго избавляться под горячим душем, но он все равно еще пару дней преследовал. Пистолет привычно лег в ладонь, курок взведен, патрон в стволе... Все как обычно, и вдруг — собачий лай, приближающийся очень быстро. Рука дрогнула, выстрел, очевидно, пришелся не туда, но уже нет времени исправлять, надо уносить ноги, пока неизвестная собака не добралась и не устремилась в погоню.

Бежать, бежать как можно быстрее — домой, в душ, под горячую воду. Потом сварить кофе, выпить и лечь под одеяло, накрыться с головой и затихнуть. В буквальном смысле затихнуть на пару недель. На ту пару недель, во время которых станет легче, перестанет болеть голова, прекратятся эти мучительные сны, толкающие на поиски очередной жертвы. Пара недель тишины и покоя...

А потом все начнется снова. Охотник и жертва. И кто выиграет в поединке — даже сомневаться не приходится...

Город Вольск, наши дни

Ночные кошмары перестали мучить ее около года назад — спасибо поистине изнурительному труду психотерапевта. Ева наконец-то смогла выспаться за все те годы, что ей приходилось то и дело вскакивать среди ночи и менять мокрую от пота рубашку, пить успокоительное и снотворное и потом долго лежать в темной спальне без сна, глядя в потолок, по которому разбежались флуоресцирующие звезды. Такой потолок был у нее в детской...

«Все, хватит! — одернула она себя, решительно дотягиваясь до браслета и выключая дребезжащий звук будильника. — Какая детская, мне уже скоро сорок! Хватит в этом копать».

Но не копать оказалось невозможно — прошлое то и дело наступало, наносило какой-то удар, от которого Ева не успевала увернуться, потому что не была к нему готова, не знала, в какой момент прилетит и откуда.

Сегодняшний день не стал исключением, хотя ничего, как говорится, не предвещало.

Сварив кофе, Ева присела к небольшому столику у окна в кухне, открыла ноутбук и развернула новостную страницу.

От первого же заголовка рука, державшая чашку, задрожала, и горячий кофе выплеснулся на колени. Ева даже не сразу заметила это, продолжала сжимать ручку пустой чашки и остекленевшим взглядом смотреть в монитор, где расплывалась черная фраза:

«Новый поворот в деле Бегущего со смертью».

МАРИНА КРАМЕР

Москва, наши дни

Тимофей Колесников, рано начавший сидеть видный мужчина лет пятидесяти, лежал в спальне своего загородного дома и лениво просматривал новости. Журналист Колесников любил быть в курсе всех последних событий, а особенно ревниво следил за журналистскими расследованиями — сам специализировался на подобном, а потому предпочитал знать конкурентов в лицо и по почерку.

«Бегающий со смертью может выйти на свободу после отбытия срока в восемнадцать лет из тех двадцати пяти, что он получил», — этот заголовок на интернет-портале большого, но провинциального города заставил Тимофея сесть и отложить планшет.

Прозвище «Бегающий со смертью» к серийному убийце Леониду Вознесенскому приклеилось ровно восемнадцать лет назад, как раз после серии статей, написанных Колесниковым по материалам громкого дела. И теперь, выходит, кто-то еще решил окучивать эту поляну..

Тимофей снова взял планшет и пробежал глазами статью до последней точки, до фамилии автора — В. Стожникова.

— Вера, Валя, Варя? — забормотал Колесников, выбираясь из постели. — Откуда такая информация у журналистки из провинциального интернет-издания? И главное: почему у нее есть, а у меня — нет?

Источник в Следственном комитете у Колесникова был надежный, он всегда снабжал Тимофея самыми свежими данными о громких расследованиях и уж о таком повороте в деле Бегущего должен был предупредить непременно.

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

— Придется навестить лично, — направляясь в душ, решил Колесников.

Город Вольск, год назад

Василиса Стожникова, которую окружающие до сих пор, как в детстве, называли Васёной, завершала свою утреннюю пробежку по набережной. В наушниках плескалось море — его звук всегда настраивал ее на нужный лад, тело совершало привычные движения — бегать Васёна начала в десять лет вместе с отцом, военным корреспондентом, привыкшим держать себя в хорошей физической форме, чтобы быть готовым в командировках к любым сложностям. Вот и его дочь, которой недавно исполнилось двадцать семь, приучила себя вставать ни свет ни заря в любую погоду и, вставив наушники, выбегать на набережную.

Внешне Васёна больше походила на подростка: невысокая, худенькая, с неизменным хвостиком на макушке, в больших очках на чуть курносом носике. Однако те, кто знал ее давно и близко, могли сказать с уверенностью, что Василиса Стожникова — девушка с железным характером и очень сильной волей. Внешняя subtilность этого, конечно, не предполагала.

Факультет журналистики Васёна окончила с красным дипломом, осела на местном новостном интернет-портале, но до сих пор ничего «громкого» не написала.

— Тему всей жизни можно искать как раз всю жизнь, — отшучивалась она, когда отец, вернувшийся-

ся из очередной командировки, интересовался ее делами. — Пока меня вполне устраивает собственная криминальная колонка.

— Живописуешь, как алкаш Геннадий в пьяной драке убил бомжа Василия? — усмехался отец.

— И такое бывает, — кивала Васёна, ничуть не обиженная его словами. — Ты тоже не сразу стал тем, кто есть. И в горячие точки тоже попал не после получения диплома. Так что и у меня все впереди.

Но это призрачное «впереди» никак не обретало четких контуров, а заметок, о которых с иронией отзывался отец, становилось больше, и Васёна начала понемногу унывать — ну какое тут имя сделаешь, если приходится писать о таком. Но «громкой» темы никак не попадалось. И вдруг...

Она просматривала новостные сайты и, увлекшись, перешла по ссылке, оказавшись на страничке какой-то белорусской газеты. С экрана ноутбука на Васёну смотрело мужское лицо — черно-белый снимок, больше похожий на фоторобот. В мозгу словно вспыхнул фонарик, осветил на миг тропинку и снова потух, как будто села батарейка, но Васёна начала лихорадочно вспоминать, где могла видеть этого человека — или кого-то, на него похожего. Она попыталась прочесть статью, но прорваться сквозь хоть и созвучные, но все равно малопонятные слова было сложно, пришлось воспользоваться переводчиком.

«В квартире младшего брата известного бизнесмена и мецената Тиханевича обнаружен незарегистрированный пистолет. Владелец оружия скрылся, он объявлен в розыск».

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

— Тиханевич... — пробормотала Васёна, словно пробуя фамилию на вкус. — Нет, ни о чем... но лицо... где я могла видеть это лицо?

Остаток дня Васёна, не отдавая себе отчета, зачем делает это, провела в интернете, собирая информацию о бизнесмене Тиханевиче.

Набралось негусто: у шестидесятилетнего Анто́на Тиханевича не оказалось практически никакой биографии до того момента, как в Беларуси занялся вполне мирным и, очевидно, доходным делом — он владел молочным комбинатом, собственной фермой и довольно большой пасекой. Называлось все это громко: концертн «Мед и молоко», так же как и обширная сеть супермаркетов, куда, по всей видимости, шла основная часть продукции.

— Нет, это все классно, — бормотала Васёна, поправляя пальцем сползавшие с переносицы очки, — но фоторобот-то не его, а брата... а вот по брату ничего, как интересно...

— Стожникова, ты н-ночевать в офисе б-будешь? — прогремело над головой, и Васёна подскочила в кресле:

— Рома! Ты нормальный вообще?!

— Н-нет! — весело подтвердил высокий блондин в голубой футболке поло и темно-серых джинсах, разворачивая кресло вместе с Васёной к себе. — Я ненормальный, потому что давно мог пить пивко д-дома на диване, но сижу тут смирно и ж-жду, пока ты закончишь.

— Ну, так и не ждал бы, — буркнула Васёна, страшно не любившая таких вот шуток и сюрпризов.

МАРИНА КРАМЕР

— Да? А домой ты как п-пойдешь? Темно уже совсем — не з-заметила?

— Что я — маленькая? Да и что тут идти...

— Васька, п-прекрати! Я обещал твоему отцу, что всегда буду за тобой присматривать, когда его нет. С-собирайся.

Роман чуть толкнул кресло, и легкая Василиса пролетела в нем как раз до шкафа, где одиноко болталось на вешалке ее бежевое пальто.

— В-выключаю комп? — спросил Роман, наклоняясь над столом.

— Флешку только вытащи, я там сохранила кое-что, дома почитаю.

— То есть у-ужинать со мной ты не пойдешь?

— А мы договаривались разве? — наматывая во круг шеи шарф, расписанный головами лошадей и цепями, удивилась Васёна.

— Чтобы поужинать после р-работы, договариваться нет с-смысла. Вот твоя ф-флешка. — Роман протянул ей кожаный футляр. — Так что — идем?

Василиса уже открыла рот, чтобы отказаться, но потом вспомнила, что в холодильнике совершенно пусто, и согласилась:

— Идем. Если честно, я умираю от голода.

— Тогда я б-быстро за курткой, а ты пока д-дверь запри, — распорядился Роман и в три прыжка покинул кабинет.

Рома Васильев был старше Васёны на десять лет, работал в их издании редактором новостей и считался безнадежным холостяком. С отцом Василисы его связывала давняя дружба и несколько коман-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

дировок в различные горячие точки. В одной из них Роман попал под обстрел вместе с группой армейской разведки, его тяжело контузило, и теперь Васильев довольно заметно заикался, плоховато слышал и страдал припадками вроде эпилептических, но это случалось нечасто — только если что-то волновало Романа слишком сильно.

В это издание его тоже устроил отец Василисы, хотя Роман сопротивлялся — не хотел протекции от именитого коллеги, пусть и друга. Но Владимир Михайлович подвел под это совершенно иную базу: попросил друга приглядывать за дочерью, которая оставалась одна во время его командировок. И хоть Василисе было уже двадцать семь, отец все равно волновался за нее. Он растил девочку один с семи лет. Мать Василисы погибла, и об обстоятельствах ее смерти Владимир Михайлович с дочерью никогда не говорил.

Роман согласился и на самом деле присматривал за Василисой, провожал домой, забегал в гости — и сам не заметил, как почувствовал, что без этой девушки его день становится пустым и каким-то бесполезным, даже если при этом его в буквальном смысле заваливали работой.

Васёна же, казалось, совершенно не понимала и не замечала более чем дружеского отношения к ней со стороны Васильева. Наоборот, ей иногда казалось, что Роман тяготеет своими обязанностями «старшего брата». Ну в самом деле, мог бы после работы пиво пить или с женищинами встречаться, а он провожает ее домой и следит, чтобы поужинала и дверь на два замка закрыла. Правда, пиво Роман

не пил, как и вообще любое спиртное: последствия контузии под парами алкоголя давали о себе знать совершенно неуправляемыми всплесками ярости, и Васильев, столкнувшись с таким пару раз, решил, что не стоит испытывать судьбу. Так что фраза «попить пивка» в его случае означала всего лишь спокойное времяпрепровождение дома.

— Ты чего х-хмурая такая? — спросил он, когда они с Васёной вышли из здания, где размещался офис, и направились в сторону центральной части города.

— Да вот наткнулась тут... и в голове что-то шевелится, а что — не могу понять, — пожаловалась она.

— Н-на что наткнулась?

— Да на фоторобот... даже не фоторобот, а просто снимок черно-белый. И у меня такое ощущение, что я этого человека видела, а вот когда и где — не могу сказать. Понимаешь, не могу вспомнить, хотя чувствую, что точно видела его — вот так, как тебя.

— Ну, Вась, все люди на кого-то п-похожи, может, просто с-совпадение?

— Тогда почему меня это никак не отпускает? Если просто совпадение?

— Да п-просто лицо какое-нибудь н-нестандартное, вот и все, — пожал плечами Роман.

— Лицо-то как раз вполне стандартное... — Васёна полезла в сумку и вытащила сложенный вчетверо листок — распечатанную статью из белорусского издания. — Сам вот посмотри.

Роман взял листок, развернул и долго всматривался в изображение.

— Ну, ты *n*-права — лицо совершенно обычное. Можно даже *s*-сказать — типичное европейское, никаких особых *n*-примет. И это *t*-только подтверждает мою теорию: все люди в *n*-принципе схожи. Ты раньше видела кого-то *n*-похожего, вот и всё.

Васёна нахмурилась, отобрала у Романа листок и сунула в сумку, пробормотав недовольно:

— Просила ведь — не разговаривай со мной как с ребенком...

— И в *m*-мыслях не было! — заверил Роман, обнимая ее за плечи и притягивая к себе. — Ты у меня *v*-взрослая и *s*-самостоятельная.

— И не у тебя. — Васёна вдруг показала ему язык и, вывернувшись из-под руки, побежала вперед по аллее к кафе: — Догоняй, а то голодным останешься!

Город Вольск, наши дни

— Я не знаю, как теперь жить...

Ева съезжилась в большом мягком кресле, обхватила себя руками, стараясь унять противную дрожь в теле. Трясти ее начало еще дома, она с трудом собралась и кое-как доехала до кабинета психотерапевта, который, к счастью, всегда находил возможность принять свою давнюю пациентку, если той требовалась его помощь.

— Давай делить проблему на мелкие части, — привычно предложил он, садясь напротив и закидывая ногу на ногу. — Ты ведь помнишь, что любая задача становится более простой, если пытаться решить ее не целиком, а постепенно.

МАРИНА КРАМЕР

— Но я не понимаю... не понимаю...

— Ева, для начала давай успокоимся. Паника — не выход, она только мешает и нагнетает. Посмотри на меня.

Она с трудом заставила себя поднять глаза и взглянуть в лицо Вадима — они уже давно были на «ты» и называли друг друга по имени, без отчества. Психотерапевт был немногим старше Евы, это почему-то облегчало ей общение.

— Так... молодец. Теперь делай глубокий вдох носом... хорошо, задержи дыхание, а теперь выдыхай через рот. Да, вот так. Еще раз. Задерживай дыхание сколько можешь, только потом выдыхай. Сосредоточься, Ева... Вдох носом, выдох ртом...

Монотонный голос Вадима звучал в голове, и Ева невольно прислушивалась, выполняла команды, чувствуя, как понемногу становится легче, уходит дрожь, перестают трястись руки, а мозг начинает избавляться от панических мыслей. Через несколько минут она совсем расслабилась, выпрямилась в кресле, села свободнее, опустила руки на подлокотники.

— Ну, успокоилась?

— Да... Почему я никогда не могу сделать это сама? Вроде ведь умею, все понимаю, а сама не могу, только с тобой...

— Ты просто ленивая, — улыбнулся Вадим.

— Ага... — согласно кивнула Ева, чувствуя себя намного лучше, чем в момент, когда перешагнула порог кабинета.

— Теперь поговорим конструктивно. Спокойно, без эмоций, рассказывай, что случилось.

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

Ева снова вдохнула и выдохнула так, как учил Вадим, и довольно ровно произнесла:

— Он может выйти на свободу.

— Откуда информация? — Вадим казался абсолютно спокойным, и Еве, словно подстегнутой этим спокойствием, удалось коротко рассказать о прочитанной утром статье. — Ну, это всего лишь вероятность, правда? Домыслы журналистки, не более.

— Но ведь она почему-то написала это? Значит, у нее есть точная информация из первых рук. Ну, не из первых, а допустим, от кого-то, кто решает такие вопросы.

— Ева, журналистика сейчас такая, что вообще мало чему можно доверять. Ради громкой статьи могут выдумать то, чего вообще быть не может.

— Вадим... ну я ведь не дуручка... Кому в голову придет выдумывать такое? И потом — ты не слышал разве, как вышел недавно на свободу человек, несколько лет державший в подвале двух девушек? Говорили, что он вообще никогда свободы не увидит, а он жив-здоров, даже интервью раздает.

— Не думаю, что Вознесенский может рассчитывать на условно-досрочное. С такими статьями оно просто не предусмотрено.

— Ты меня не услышал, что ли? В деле появились новые обстоятельства!

— На полтона ниже, пожалуйста, — поморщился от ее вскрика Вадим. — Есть официальный комментарий от Следственного комитета?

— Н-нет, — запнувшись, выдавила Ева.

— Тогда вообще не вижу смысла раньше времени паниковать. Любой преступник считает себя невиновным.

— Но Вознесенский так и не признал ни одного эпизода из двенадцати!

— И это не делает его автоматически невиновным, верно? Его же осудили, и улики против него было больше чем достаточно. Ты же сама его опознала — не могла ведь ты ошибиться?

Ева опустила глаза. После прочтения статьи в ней снова всколыхнулись прежние сомнения.

Во время следствия ей начало казаться, что человек, которого ей предъявили для опознания, может быть вовсе не тем, кто напал на нее в утреннем тумане парка. Однако следователь развеял ее сомнения, объяснив, что улики, собранные во время работы по этому громкому делу, не оставляют никаких шансов на то, что Леонид Вознесенский может оказаться не Бегущим со смертью. В его квартире были обнаружены тщательно и аккуратно упакованные в пакеты вещи, снятые с задушенных девушек: нехитрые украшения, заколки, и в каждом — срезанная с головы жертвы прядь волос. Был там и пакетик с сережкой-жемчужинкой и длинной белокурой прядью Евы. Эти неопровержимые доказательства убедили ее, и Ева больше ни в чем не сомневалась.

Она машинально прикоснулась к шраму на мочке левого уха — еще одному вещественному доказательству того, что ей все это не привиделось. Выжила тогда Ева каким-то чудом: пуля попала в печень, но в какой-то момент она из последних сил перевернулась на живот и попавший под бок камень сдавил рану, что уменьшило кровотечение. В таком виде ее и нашел гулявший с собакой парень, вызвавший «Скорую». Он же, по всей видимости, спугнул и маньяка, не успев-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

шего выстрелить еще раз, если тот заметил, что первым выстрелом только ранил свою жертву.

Ей опять повезло: машина примчалась буквально за пару минут, ее сразу увезли в близлежащую больницу и там сделали операцию, перелили кровь. В общем, спасли, и Ева оказалась единственной выжившей жертвой Бегущего со смертью.

Но травмы физические оказались не так страшны, как то, что произошло с ней позже, уже после суда над Вознесенским. Предшествовавшие этому многочисленные экспертизы, допросы, очные ставки и опознания Ева смогла перенести только при помощи сильнодействующих препаратов, иначе сошла бы с ума гораздо раньше. Ей приходилось в деталях рассказывать обо всех мелочах, произошедших в тот день, многие из которых она предпочла бы забыть и не обсуждать ни с кем, а приходилось — со следователем, дотошно выпрашивавшим о подробностях нападения, изнасилования и последующего выстрела. После визитов к следователю она выпивала горсть снотворных и проваливалась в сон, чтобы спустя какое-то время снова окунуться в произошедшее.

После вынесения приговора Ева окончательно потеряла сон и аппетит, перестала выходить из дома, боялась солнечного света, и особенно наступавшего утра, когда за окном видела туманную дымку. Это сразу возвращало ее в тот день, казалось, что она даже ощущает запах влажной осенней листвы, даже если была зима. Откуда-то из глубины подсознания Ева слышала собачий лай, но этот звук ее не пугал, наоборот — внушал надежду на спасение. Так продолжалось полгода, а потом мать, не выдержав, почти силой уво-

локла дочь в психиатрическую клинику, подписала все документы и оставила ее там.

В стационаре Ева провела почти год, особых сдвигов не было, разве что препараты превратили ее в вечно вялое, совершенно безэмоциональное существо, каждое утро мучительно открывающее глаза и не знающее, как и зачем жить дальше. Из больницы ее выписали, но она возвращалась туда регулярно до тех пор, пока не решила покончить со всем этим кошмаром — попыталась отравиться большой дозой препаратов, щедро выписываемых равнодушным районным психиатром. К счастью, мать в тот день вернулась с работы раньше и обнаружила Еву, бездыханно лежавшую на полу в кухне.

Ее снова определили в стационар, предупредив мать, что, возможно, Ева никогда не сможет жить нормально и будет вынуждена переехать в какой-то пансионат для душевнобольных, но тут ей опять неожиданно повезло: лечить ее взялся Вадим — молодой, амбициозный и неравнодушный ординатор, которому после выяснения подробностей стало отчаянно жалко эту насмерть перепуганную маленькую девушку, которая совершенно потеряла смысл и желание жить.

За годы, проведенные в лечебнице, Ева перестала доверять врачам и надеяться на возвращение не то что к нормальной жизни, а к жизни вообще. Да и в условиях стационара она чувствовала себя более защищенной, чем в собственной квартире, — здесь утренний туман не мог проникнуть в зарешеченное окно палаты, это казалось какой-то гарантией. Так что появление нового врача она восприняла равнодушно: какая разница, кто будет назначать процедуры и препараты?

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

Однако Вадим Резников оказался совершенно не похож на тех докторов, с которыми Ева имела дело прежде. Он не разговаривал с ней на «ты» и снисходительно-усталым тоном, как делали его предшественники. Он был веселым, улыбчивым, от него так и веяло оптимизмом, что сразу бросилось Еве в глаза и даже заставило в конце первого разговора вяло улыбнуться.

— У вас совершенно очаровательная улыбка, Ева Александровна. Вам нужно делать это почаще, — заметил врач, вставая из-за стола, чтобы открыть Еве дверь.

— У меня нет повода, — сразу сникла она, ссутулилась и, шаркая тапочками, побрела по полутемному коридору к двери, ведущей в отделение.

Ее не сопровождал санитар — Ева здесь считалась тихой, не доставляющей хлопот персоналу, кроме того, ее знали давно, попыток убежать она не делала, так что в кабинет врача могла ходить самостоятельно.

Вадим Резников сумел добиться с ней ощутимых результатов не сразу, но постепенно Ева начала открываться ему, рассказывать о страхах, о том, как не хочет покидать стены больницы и уже морально готова к переезду в пансионат, откуда ей не придется выходить.

— А зачем вам это? — удивился Вадим. — Вы совершенно нормальная, социально адаптированная — к чему вам жить в спецучреждении? В изоляции? Вы по профессии кто, я запомятовал?

— Мы об этом не говорили... я вообще-то в педагогическом училась, на преподавателя начальных классов...

— Н-да...— Вадим почесал затылок каким-то совсем домашним, неформальным жестом, и у Евы вдруг немного потеплело на душе: этот доктор разговаривал с ней как с равной, а не как с пациенткой. — Но вам ведь еще совсем мало лет, можно чему-то новому учиться — даже здесь. Давайте так. Вы к нашей следующей встрече подумайте, чем бы хотели заниматься — ну, не знаю, рисование там, вышивка...

— Иголок нельзя здесь.

— Ой, глупости! Вам-то почему нельзя?

— Вдруг проглочу...

— Да бросьте вы себя пугать, Ева Александровна! Проглотит она... Я совершенно искренне считаю, что все, что с вами творится, только лишь последствия сильнейшего стресса. Да, депрессия затянулась, но органических поражений мозга у вас нет. Так что и иголки можно, и даже спицы, если вязать захотите.

Вадим был первым, кто не считал ее психически больной. Эта мысль так поразила Еву, что она невольно заплакала.

— Так, все, берем себя в ручки и выполняем задание, хорошо? — Он чуть сжал ее плечо, и Ева согласнo закивала. — Вот и молодец. Мы еще найдем настоящую Еву, вот увидите.

Спустя годы Ева не перестала испытывать к Вадиму глубокую благодарность, как к человеку, разглядевшему в ней не психически больную пациентку, а кого-то другого. Он стал для нее больше чем врачом — он стал человеком, сумевшим разогнать утренний туман с запахом мокрой осенней листвы, опутывавший ее по рукам и ногам все годы после того происшествия.

Москва, наши дни

Колесников нервничал. Его источник не отвечал на звонки, а думать о чем-то другом Тимофей просто не мог. Новая статья не писалась, он бесцельно смотрел в монитор и не видел уже написанных строк.

Раздраженно оттолкнув ноутбук, Тимофей откинулся на спинку кресла, закинул руки за голову и шумно выдохнул. Его очень задело, что какая-то никому не известная провинциальная соплюха пытается зарабатывать на его теме. Его! Он совершенно серьезно считал тот цикл статей и телерепортажей о серийном убийце собственной находкой, только он мог работать в этой теме, только он должен был продолжать писать — если уж там снова было о чем писать.

— Но какого черта молчит Иваныч? — снова набрав номер и выслушав длинные гудки, пробормотал Тимофей. — Если в деле Бегущего появились какие-то новые детали, почему я не узнал об этом?

Ему и в голову не приходило, что его источник мог просто забыть об этом старом, хоть и нашумевшем деле. Действительно, столько лет прошло, убийца в тюрьме, сидеть ему еще долго, почему Иваныч должен об этом помнить? Хотя сотруднику отдела по связям с общественностью не могло не быть известно о новых обстоятельствах, если они на самом деле появились.

— Ведь с чего-то же эта курица взяла, что Бегущего могут освободить? Не на ровном же месте, по таким делам условно-досрочного не предусмотрено, — бормотал Тимофей, откладывая мобильный и дотягиваясь до сигаретной пачки.

МАРИНА КРАМЕР

— Тимоша! — раздался капризный женский голос на лестнице. — Ты чего тут закрылся?

Колесников раздраженно бросил на стол незажженную сигарету.

— Я просил не называть меня так?! — рывкнул он, и вошедшая в кабинет стройная блондинка в длинном шелковом халате обиженно спросила:

— А почему ты на меня кричишь?

— Потому что ты мне мешаешь! Я просил не подниматься на второй этаж, когда я работаю, неужели это так трудно?!

Девушка повернулась и вышла, хлопнув дверью, и Тимофей едва сдержался, чтобы не заорать еще громче.

«Будет теперь ходить весь день с недовольной моськой, — все так же раздраженно подумал он, снова беря сигарету и щелкая зажигалкой. — Почему я вообще ее терплю? Ведь дура же, пустышка! Одни нервы!»

Мила Пестова была девушкой очень красивой и почти такой же глупой, это Тимофей понял почти сразу, с первых минут знакомства. Он увидел ее около трех лет назад в ресторане, где отмечал день рождения, она пришла с кем-то из его друзей, но по окончании шумной и пьяной вечеринки уехала с Тимофеем, а наутро вовсе не торопилась покидать его загородный дом.

Колесников тогда не возражал — ему даже в какой-то момент начало казаться, что Мила подходит ему в качестве подруги: с ней было легко, она прекрасно готовила, всегда хорошо выглядела, смотрела на него снизу-вверх — ей льстило, что такой известный журналист, чье имя мелькает в самых престиж-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

ных изданиях, а лицо то и дело можно увидеть на голубом экране, обратил на нее внимание.

Но в последнее время Милу словно подменили. В ее мягком, хорошо поставленном голосе начали мелькать капризные нотки, она то и дело намекала, что в ее двадцать восемь пора бы уже иметь какой-то более определенный и весомый статус, чем звание любовницы, что Тимофей слишком много работает и слишком мало внимания уделяет «светской жизни», как она это называла. Ей хотелось чаще бывать на каких-то мероприятиях, куда Тимофей регулярно получал приглашения, на кинопремьерах, которые он терпеть не мог, на музыкальных премиях и прочих сборищах, посещаемых так называемой «богемой».

Но у Колесникова не было на эти походы ни времени, ни желания, ни сил, он соглашался присутствовать только там, где ему лично было интересно, или на мероприятиях, которые никак нельзя было пропустить. Мила же хотела красивой жизни и надеялась, что Тимофей ей это обеспечит.

— Зачем тебе закрытый показ фильмов Феллини? — спрашивал он с издевкой. — Ты ведь даже не знаешь, кто это такой.

— Но там будут актеры, режиссеры, известные люди!

— Забудь. Там будут только нафталиновые любители старой итальянской киноклассики, а меня пригласили в надежде, что я упомяну название элитного клуба, который проводит этот просмотр, в своей передаче или статье. Но я Феллини не люблю.

— Да в этот клуб все хотят попасть! Там вход строго по приглашениям, просто так не попа-

дешь! — настаивала Мила, и Тимофей начинал раздражаться:

— В «Матросскую тишину» тоже сложно попасть — туда не хочешь?

— А что это? — округлив тщательно накрашенные глаза, спрашивала она, и Колесников, только рукой махнув, уходил в кабинет.

Мила ничего не читала, кроме заметок в светской хронике, не интересовалась ничем, кроме модных брендов, и постепенно в результате этого увлечения одна из комнат в загородном доме Тимофея превратилась в гардеробную, где на полках и вешалках хранились обувь, вещи и сумки с громкими иностранными именами на бирках.

Ему иногда казалось, что Мила заболит и умрет, если вдруг окажется, что крем, который она нанесла на лицо, вовсе не от известной мировой марки, а какой-нибудь корейский или — что вообще не дай бог — отечественный. В ресторанах Мила выбирала только эксклюзивные блюда, даже овсянка, которую она ела по утрам, заказывалась на каком-то специализированном сайте и была в десять раз дороже той, что продавалась в супермаркете, например.

Колесников считал, что девицы такого плана давно канули в Лету, что называется, то есть попросту вымерли — подобное поведение всегда казалось ему отголоском голодного детства, пережитком девяностых, когда люди, ничего прежде не видевшие, вдруг дорывались до денег и возможностей. Но сейчас-то...

Стяжательство Милы носило болезненный характер, но первую пару лет Тимофей не придавал этому особого значения: деньги у него были, тратить их на

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

Милу он мог себе позволить, хотя не очень понимал, зачем одной женщине двадцать пять сумок, например, многие из которых одинаковые, просто выполнены в разных цветах.

Надо отдать Миле должное — при всей своей глупости она ни разу не поставила Тимофея в неловкое положение перед друзьями, ни разу не ляпнула ничего, когда он давал комментарии на каком-нибудь мероприятии, всегда была корректна и очаровательно улыбалась, помалкивая. Тимофей очень ценил в ней это умение не демонстрировать свою недалекость. Возможно, она была не так уж глупа, раз понимала, чего не стоит говорить и в каких обстоятельствах.

Сегодня же Мила просто оказалась не ко времени, да еще с этим идиотским «Тимоша» — именем, которое Колесников с детства терпеть не мог.

— Ладно, потом извинюсь, — пробормотал он, снова набирая номер информатора.

Город Вольск, год назад

— Н-ну, танцуй, п-подруга.

Васильев размахивал над головой каким-то листком, и Васёна, оторвавшись от монитора, посмотрела на него:

— Что это?

— Даже не знаю, с-стоит ли тебе показывать. — Роман снова помахал листком.

— Рома! У меня сроки горят, некогда твои загадки разгадывать.

— С-спорим, ты сейчас вообще обо всем з-забудешь?

Роман положил листок перед ней на стол и отошел к окну, сел на подоконник.

Васёна бросила взгляд на лист и обомлела. Перед ней лежал уже не фоторобот, а совершенно нормальная фотография человека, с лица которого он был составлен. Черно-белый оттиск, с которого прямо на Васёну смотрел симпатичный молодой человек.

— Кто это?

— А ты п-переверни, — посоветовал Васильев.

На обратной стороне обнаружился текст мелким шрифтом, и Васёна с замирающим сердцем начала читать:

— Вознесенский Леонид Витальевич, такого-то года рождения, серийный убийца по кличке Бегущий со смертью. — Она подняла глаза на Васильева. — Ничего не понимаю..

— Ну так п-покопайся, п-поищи, — невозмутимо посоветовал тот, спрыгивая с подоконника и направляясь к двери. — А я сделал все, что м-мог. Обедать п-пойдешь?

Но Васёна отрицательно затрясла головой и ничего не сказала, уже вбивая в поисковик фамилию и имя человека с фотографии.

Чем дальше она переходила по ссылкам, тем страшнее ей становилось.

Дело происходило в их городе двадцать лет назад и поразило Васёну размахом и жестокостью убийств. Жертвами серийного убийцы Вознесенского всегда оказывались молодые женщины от восем-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

надцати до тридцати лет, совершавшие пробежки или просто спешившие на работу по территории старого заброшенного парка на западной окраине города. Все убийства происходили по одной схеме: Вознесенский выслеживал жертву, нападал на нее сзади, слегка придушивал, насиловал и убивал выстрелом в грудь. У каждой жертвы он непременно забирал какой-то предмет — сережку, заколку, колечко или цепочку, а то и просто выдергивал шнурок из капюшона спортивной кофты, например. И обязательно срезал прядь волос.

Всего жертвами Вознесенского стали двенадцать девушек и женщин, и только одной из них, Еве Александровской, чудом удалось выжить. Ее нашел гулявший с собакой молодой человек, вызвал «Скорую», и врачам удалось спасти пострадавшую. Она же и опознала Вознесенского, что дало возможность следователям спустя год кропотливых поисков все-таки завершить дело и передать его в суд. Вознесенский получил двадцать пять лет — максимальный срок наказания, который отбывал теперь в спецколони.

— Непонятно только, какая связь между Вознесенским и Тиханевичем, — пробормотала Васёна, отталкиваясь от стола и докатываясь в кресле к стене.

Она перевела взгляд на окно и увидела, что на улице давно стемнело, а она, увлеченная своими поисками, даже не заметила этого, просто машинально включила настольную лампу, когда перестала четко видеть буквы на экране монитора. Настенные часы показывали половину девятого.

— Ого... — проговорила Васёна растерянно. — Это же меня сейчас охрана начнет вместе с креслом выносить...

Она быстро вынула из компьютера флешку, на которую сбрасывала материалы, выключила всю технику и, прихватив пальто, выскочила в коридор. Навстречу ей уже шел дежурный охранник:

— Дома не ждут, что ли? Никого нет давно, а она все сидит и сидит.

— Извините, — пробормотала Васёна, стараясь прошмыгнуть мимо. — Заработалась...

Пожилый охранник только головой покачал:

— Заработалась она... с парнями встречаться надо, а не за компьютером сидеть до ночи. Как домой-то пойдешь, темно уже?

— Да я не боюсь...

— Не боится она... через парк только не шастай, мало ли...

Слова о парке сразу вернули Васёну к прочитанным сегодня статьям.

— Это вы про заброшенный парк?

— А ты в нашем районе другой знаешь?

— Нет... А почему через него ходить нельзя?

Охранник уставился на нее удивленно, а потом, видимо, что-то прикинув в голове, махнул рукой:

— Да ты и знать-то об этом не можешь, конечно... сколько тебе лет тогда было...

— Тогда — это когда? — вцепилась Васёна, предвкушая интересный разговор.

Охранник только вздохнул и снова махнул рукой:

— Да было дело... Топай домой, говорю. Алучше давай-ка я тебе такси вызову.

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

— Не надо мне такси! — запротестовала Васёна. — Расскажите про парклучие, а?

— Тебе что, серьезно нечем дома заниматься?

— Нечем! — радостно подтвердила она. — Отец в командировке. А вам наверняка одному тоже скучно, да?

— А я наверняка на работе, мне тут некогда скучать.

— Как вас зовут? — спросила Васёна, и охранник вздохнул:

— Вот липучка... Ну, Игорь Ильич меня зовут.

— А я Василиса. Лучшие просто Васёна — меня так все называют.

— Ты журналистка, что ли? — Он смерил ее недоверчивым взглядом. — Или так — бумажки перекладываешь?

— Журналистка, — кивнула она. — Я криминальную колонку веду, не читали?

— Мне в свое время криминала в жизни хватило — во! — охранник провел ребром ладони по горлу. — Так что я такое, извини, не читаю теперь.

— А почему?

— Потому что опером я был раньше, навидался и бандитов, и потерпевших, совсем теперь ничего об этом знать не хочу.

Васёна почувствовала, как у нее внутри все задрожало от предвкушения. Она вцепилась пальцами в рукав охранника и заканючила:

— Игорь Ильич, дорогой, ну вам ведь все равно тут особенно заняться нечем, пожалуйста, расскажите мне что-нибудь, а? Мне очень нужно!

МАРИНА КРАМЕР

— Я тебе бабка-сказочница, что ли? — удивленно таращилась на нее сверху вниз охранник. — Что я тебе рассказать-то могу, ведь не работаю уже почти двадцать лет!

— Так а мне и надо как раз про двадцать лет назад! Ну очень надо, понимаете? Вы чай любите? У меня в столе есть пачка очень вкусного чая, мой папа такой любит, — бормотала Васёна, чувствуя, что почти уговорила охранника.

— Чай люблю, — кивнул он. — Водку-то на службе нельзя... да ты, поди, и не пьешь крепкое?

— Нет, — радостно призналась Васёна. — Так давайте по чайку, да? Я мигом!

— Ну, в дежурку тогда спускайся, я пока кипяток поставлю.

Она шустро развернулась, влетела в кабинет, быстро нашла в столе пачку чая с вяленой клюквой — и, выскочив в коридор, побежала вслед за удаляющимся Игорем Ильичом.

Город Вольск, наши дни

Разговор с Резниковым немного успокоил Еву, но ненадолго. Каждое утро вновь давалось ей с огромным трудом, и самым мучительным оказался процесс открывания плотных штор на окне в спальне.

Едва прикоснувшись руками к чуть шершавой поверхности материала, Ева чувствовала внутреннюю дрожь. Ей казалось, что стоит только сделать движение руками в стороны — тут же за стеклом она снова увидит его. Бегущего со смертью. И никакие само-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

уговоры не помогали, не убеждало даже то, что живет она на шестом этаже и при всем желании, даже вышедший на свободу, Вознесенский не сможет возникнуть в оконном проеме.

Таблетки помогали плохо, но увеличивать дозу Резников категорически отказался — считал, что Ева давно научилась справляться с такими состояниями и лишняя химия в организме ей совершенно не нужна.

— Не выдумывай, — говорил он в ответ на ее жалобы. — Ты прекрасно понимаешь, что никакие таблетки не уберут из твоей головы то, что ты себе придумываешь сама. Поэтому — что? Правильно, прекращай думать о том, чего нет и никогда не может быть! Все твои страхи — только плод твоего же воображения. А как мы решили поступать с подобным?

— Рисовать, — вздыхала Ева и, выйдя из кабинета Резникова, направлялась в магазин, где покупала альбом, карандаши и ластики.

Она почему-то всякий раз покупала все новое, предпочитая выбросить остатки после того, как «вырисовывала» свои страхи. Рисунки она отдавала Вадиму, не желая хранить их в своей квартире.

— Когда-нибудь я устрою твою персональную выставку, — шутил он, убирая очередной альбом в шкаф. — Так и назову: «Страхи Евы».

— Там можно будет найти и упечь в стационар пару-тройку скрытых психов.

— Это еще почему?

— Кто нормальный будет на это смотреть? Ну кроме тебя, конечно. Но ведь ты тоже не добровольно, а по работе...

Вадим только улыбался. Он всегда считал Еву очень талантливой и в ее рисунках видел вовсе не то, что казалось тем, кто видел их впервые. Ева рисовала себя — то, что было у нее внутри, а вовсе не тех монстров, что терзали ее вот уже много лет.

— Типичная шизофрения, — сказал как-то коллега, просматривая альбом. — Неужели ты этого сам не видишь?

— Нет у нее никакой шизофрении. Ее в свое время просто залечили чуть не до смерти. Неправильная терапия, понимаешь? Тоже все под шизофрению подгоняли. А у нее просто была сильнейшая депрессия на фоне пережитого. Но кто двадцать лет назад в это вникал? Так и сгубили девку. А она талантливая была... могла бы, кстати, в школе работать, училась ведь. Но куда — с таким-то послужным списком.

— Ты, Резников, столько лет в профессии, а все такой же романтичный юноша, как после выпуска. У твоей Александровской наверняка была шизофрения и до того, как с ней все это случилось, только латентная, без симптомов. А нападение просто раскрыло ее. Раньше или позже она все равно бы проявилась, ты ведь должен это понимать.

Но Вадим не был согласен с этим. Он действительно никогда не считал Еву больной, он видел в ней сломленного обстоятельствами и бездушным отношением врачей человека, который вот уже столько лет отчаянно пытается цепляться за нормальную жизнь — насколько это возможно в ее ситуации.

Еву не брали на работу — никуда, даже мыть полы, едва только узнавали о том, что она лечилась в стационаре. Она даже думала уехать куда-то, чтобы на-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

чать все сначала, но потом поняла, что в чужом городе, совершенно без связей, ей наверняка очень быстро станет хуже, и тогда даже помочь ей будет некому, потому что Резникова рядом не окажется. И она смирилась.

Сегодня Ева собиралась на кладбище к матери. У отца могилы не было, он пропал без вести в середине девяностых, и тот факт, что они с матерью вообще остались живы и даже сохранили небольшую квартиру, можно было вполне считать чудом.

Отцу Евы принадлежал один из двух крупных банков в городе, и на тот момент он считался самым богатым и влиятельным человеком в городе. У маленькой Евы были няня и личный водитель, огромная комната в загородном доме, обставленная сказочно красивой мебелью, которую отец выписывал из Италии, множество игрушек и любимые куклы. Ее одевали как принцессу, и отец в редкие моменты выходов так ее и называл: «моя принцесса», катал на специально для Евы купленном пони по огромной территории вокруг дома, а иногда устраивал для нее показы мультфильмов в большом домашнем кинотеатре, смотрел их вместе с ней и радовался как ребенок.

Сказка закончилась мгновенно. В банк отца вложил деньги местный криминальный авторитет, а один из заместителей решил, что отдавать эту сумму банк не будет. Заместителя нашли с пулей во лбу через неделю где-то за городом, а отцу выставили условие: вернуть деньги с большими процентами и выплатить штраф в таком же размере.

Как ни старался Александр Петрович, но таких денег собрать не смог. Он понимал, что нужно спасти жену и дочь, но вывезти их за границу не успел — его затолкали в машину прямо возле здания банка и увезли в неизвестном направлении.

Еву и ее мать долго перевозили с одной квартиры на другую сотрудники милиции, охраняли круглосуточно. Они потеряли все: сбережения, загородный дом, банк — но жизнь все-таки сохранили, а в банковской ячейке на имя матери обнаружили документы на небольшую квартиру на западной окраине города. Там они и жили тихо, как две мышки.

Матери пришлось снова выйти на работу, и теперь только ленивый не усмехался презрительно, глядя на то, как жена банкира Александровского выдает карточки в районной поликлинике: врачом ее не взяли. Ева окончила школу и поступила в педагогический институт, казалось, что жизнь наладилась, и тут на ее пути в буквальном смысле возник Бегущий со смертью — и все опять покатило под откос.

Мать умерла, когда Ева в очередной раз лежала в больнице, заколотая до овощного состояния сильными действующими препаратами. Ее даже на похороны не пустили, и впервые на могилу Ева попала только через полгода. Теперь она старалась приезжать хотя бы пару раз в год, словно искупая вину за то, что не была рядом, когда мать умирала, хотя батюшка из кладбищенской церкви не раз говорил, что такой вины не существует.

У отца могилы не было вообще, и, сидя на лавочке рядом с могилой матери, Ева старалась убедить

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

себя, что и он тоже упокоился здесь, рядом с любимой женой. В такие моменты Ева чувствовала себя одинокой как никогда.

Москва, наши дни

Колесников ехал на встречу со своим информатором из Следственного комитета. Вызвонить его не удалось, но Тимофей знал, где тот любит обедать, а потому решил нагрянуть в кафе лично. Его очень беспокоило молчание информатора, он платил тому хорошие деньги и всегда рассчитывал на свежую информацию, которую, собственно, и получал до сегодняшнего дня.

— Что могло случиться? — бормотал Тимофей, медленно двигаясь в пробке по Садовому: где-то впереди произошла авария, но он не успел вовремя свернуть и теперь вынужден был терять время. — Вот будет номер, если его сняли...

Полковник Иванютин, или просто Иваныч, «сидел на зарплате» у Колесникова еще с тех пор, как только пришел работать в службу по связям с общественностью. Они были знакомы сто лет, Иваныч часто приезжал к Тимофею за город, парился в бане, любил ходить в ближайший лесок за грибами. Информацию поставлял исправно, и выходило, что Колесников оказывается в курсе всех громких дел куда раньше остальных коллег. Его программа на одном из телеканалов всегда имела хорошие рейтинги, а собственный интернет-портал привлекал много читателей и хорошо цитировался. Платил Иванычу Тимофей исправно, в общем, дружба была взаимовыгодной.

Добравшись наконец до кафе, где всегда обедал Иванютин, Тимофей кое-как припарковал машину и бросил взгляд на часы — в его распоряжении оставалось минут пятнадцать, не более.

Быстрыми шагами он вошел в кафе и остановился, окидывая зал взглядом.

Иванютин сидел на своем любимом месте — у большого панорамного окна, и перед ним уже стояли чашка кофе и стакан минеральной воды: полковник отобедал и вот-вот полезет в карман за карточкой.

— Позволь мне. — Тимофей опустился на стул и вынул портмоне.

— О, Тимоха, — удивленно проговорил Иванютин. — А ты как тут?

— Ну, знаешь ведь пословицу про гору и Магомеда?

— И кто из нас кто?

— Хорош прикидываться, Иваныч. Что произошло? Я с утра все твои телефоны оборвал — в чем дело?

— Я с утра на брифинге был, не до звонков.

— А потом?

— И потом были дела, — отрезал Иванютин, отодвигая чашку. — У меня, если знаешь, повыше тебя начальство имеется, и вот оно хочет результат от работы.

— Я плачу тебе достаточно, чтобы тоже хотеть результатов.

— Ну нет пока ничего интересного.

— Да? А про возможный пересмотр дела Бегущего со смертью что скажешь? Не так интересно? — вски-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

нулся Тимофей, которому очень не нравилась новая манера поведения полковника.

— Нет никакого пересмотра. Что там пересматривать — двенадцать доказанных эпизодов и одиннадцать трупов? Какой идиот вообще будет что-то там пересматривать? — удивился Иванютин.

— Тогда что вот это? — Тимофей вынул из кармана пиджака сложенные вчетверо распечатки статьи, прочитанной им утром. — И между прочим, это уже вторая статья на эту тему за год!

Иванютин взял их, полез за очками, быстро пробежал глазами текст и, снова сложив листки, протянул Колесникову:

— Чушь.

— Там в уголочке количество просмотров — не обратил внимания? И это только за утро! — тихо рявкнул Тимофей. — А если учесть еще разницу во времени, то сейчас там наверняка...

Но Иванютин перебил:

— Я в вашей кухне не разбираюсь! Ты спросил — я ответил, нет никакого пересмотра дела, даже разговоров нет, я бы знал! Если у тебя все, то мне пора.

— То есть вот так возьмешь и уйдешь?

— Тима, что ты хочешь? — наклонившись над столом, негромко спросил Иванютин. — Я ответил на твой вопрос, что еще?

— Узнай все поточнее.

Полковник выпрямился и покачал головой:

— У тебя что — какие-то проблемы? Иначе с чего бы ты начал откапывать мертвое дело двадцатилетней давности? Совсем исписался, решил о прежней славе вспомнить?

— Слышишь, ты... — начал закипать Колесников, но полковник положил руку ему на плечо, придавил обратно к стулу и произнес:

— Полегче! Посиди тут, кофейку вон выпей, подыши... Если будет что-то, сообщу, я наш договор помню. Но голос на меня не повышай, запомни это.

Он развернулся и пошел к выходу, а Тимофей, словно уронив что-то тяжелое и почувствовав облегчение, откинулся на спинку стула и поманил рукой официанта.

После встречи с Иванютиным у Тимофея остался какой-то мерзкий осадок, особенно после вскользь брошенного им «истисался». В глубине души Тимофей именно так себя и чувствовал — выжатым, опустошенным, не способным написать или снять что-то такое же громкое, как тот пресловутый цикл статей о серийном маньяке из провинциального города. За всю последовавшую карьеру ему так большие и не подвернулось ничего подобного. Да, Колесников умудрялся остаться на плаву, хорошо зарабатывал, но такого профессионального подъема, как в молодости, уже не ощущал.

Командировку в город Вольск он тоже тогда получил скорее случайно: главред газеты, в которой трудился Тимофей, был близким другом его отца, известного в советское время писателя.

И вот там Колесников развернулся. Он был молод, хорош собой, легко входил в доверие к кому угодно, общался просто, проявлял заинтересованность — словом, нравился почти всем, с кем работал. Кроме того, Тимофей обладал прекрасным слогом, доступ-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

но, но не примитивно излагал свои мысли на бумаге, и его статьи пользовались повышенным интересом у читателей.

Да и с темой повезло, конечно — написать о таком громком деле мечтали многие журналисты, и местные, и столичные. Но лучше Тимофея этого не смог сделать никто.

В Москву он вернулся уже известным человеком, получил предложения о работе от нескольких крупных изданий и даже одного телеканала, предложившего сделать цикл телевизионных репортажей. Это предложение и дало толчок дальнейшему успешному развитию карьеры журналиста Колесникова.

Цикл передач о серийном убийце, которого с легкой руки Тимофея теперь все называли Бегущим со смертью, вызвал бурную реакцию у зрителей, Тимофея начали узнавать на улице, у него брали автографы, как у настоящей «звезды», его приглашали на телепередачи — словом, благодаря убийце-серийнику Колесников превратился в популярного и узнаваемого человека с прекрасными гонорарами и огромными возможностями.

Потом, конечно, были другие расследования, другие герои, но такого успеха, как с Бегущим со смертью, Колесников уже добиться не смог. И теперь выходило, что полковник Иванютин в чем-то прав: Тимофей просто хотел собрать осколки былой славы и вновь оказаться на вершине, чтобы снова испытать те восхитительные чувства, что пережил в юности. А какая-то провинциальная девчонка посмела покуситься на его золотую жилу, и этого терпеть Тимофей не собирался. Он решил полететь в Вольск и выяс-

нить, что же произошло на самом деле и как эта Стожникова сумела раздобыть информацию — если такая вообще имелась.

Город Вольск, год назад

В небольшой комнатке, заставленной мониторами видеонаблюдения, кипел чайник. Васёна сидела на раскладушке, заправленной темно-серым одеялом, а Игорь Ильич заваривал чай в большой алюминиевой кружке.

— *И не скучно вам тут — одному?* — спросила Васёна, принимая из рук охранника стакан, в который он налил чай для нее.

— *Привык. Я уже десять лет один, с тех пор, как жена ушла, — усаживаясь в крутящееся кресло, ответил Игорь Ильич.*

— *А-а...*

— *А ты, значит, с отцом живешь? А мать где же?*

— *Мама погибла, когда мне было семь лет.*

— *Тяжело, наверное, мужику-то одному было девочку растить... — со вздохом проговорил охранник.*

— *Не знаю, наверное... С нами бабушка жила, мамина мать. Папа же военный корреспондент, он постоянно куда-то уезжал.*

— *Погоди-ка... — вдруг чуть подавшись вперед и всматриваясь в ее лицо, сказал Игорь Ильич. — Ну-ка, вправо посмотри... ага... То-то я и думаю, почему мне твое лицо кажется знакомым... Ты дочь Владимира Стожникова, да?*

— *Да. А вы папу знаете?*

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

Он как-то странно на нее посмотрел, медленно кивнул:

— А мать, говоришь, погибла?

— Да. Но я не знаю, как это произошло, папа никогда не говорил. Я пыталась у бабушки спросить, но та сразу плакать начинала, так что я боялась лишний раз заговаривать.

Васёна поежилась, сделала глоток чая. Охранник продолжал смотреть на нее каким-то странным взглядом, полным не то сочувствия, не то грустного удивления:

— А зачем ты меня про парк начала спрашивать?

— Живу рядом. Но бегать там мне папа никогда не разрешал, мы с ним всегда по набережной с утра пробежки совершаем, хотя парк ближе намного.

— Можно понять... — бормотнул Игорь Ильич, обхватив свою кружку рукой. — Я в то время опером работал, аккуратно в бригаде по расследованию этих убийств в парке и пришлось ковыряться. До сих пор не могу вспоминать — потом не сплю. В общем-то во многом из-за этого дела я и уволился, не мог на работу ходить. Страшно это — когда молодой парень запросто девчонок жизни лишает, да еще так жестоко...

— Так вы, значит, видели этого Бегущего со смертью? — Васёна передвинулась на самый край раскладушки, и конструкция слегка скрипнула.

— Я на задержание выезжал.

Васёна полезла в сумку, вынула листок, который принес ей утром Васильев, и протянула охраннику:

— Вот это — он?